

Наконец-то снегопад прекратился. Лунный свет отражался от сугробов, заливая всё вокруг мертвенно-бледным сиянием. Неподалеку от городских ворот развернули масштабный карантинный лагерь: в ночной мгле бесконечные ряды огней тянулись вдаль, создавая пугающее и величественное зрелище. С тех пор как Чу Чанси возглавил инспекцию, во всех пораженных недугом местах по его приказу возводили временные приюты для заболевших.

Чу Чанси легко взлетел на крепостную стену. Отсюда было видно, как в свете фонарей люди в лагере помогают друг другу, передвигаясь, поддерживая слабых. Он отложил в сторону меч и присел, прислонившись к зубцам стены. Холодный ветер пронизывал до костей, а на нем была лишь тонкая одежда. Длинные волосы, перехваченные простой холщовой лентой, лишь подчеркивали его изящный, почти неземной облик.

Карантин — это только первый шаг. Нужно как можно скорее создать лекарство.

— Почему вы снова вышли в таком легком одеянии? — голос Е Фэна раздался из тени у подножия стены. — Господин, не тревожьтесь. Все указания по постройке приютов выполнены, а на разработку рецепта нужно время...

Говоря это, он в несколько прыжков взобрался на стену. Е Фэн нагнал Чу Чанси в пути. Император, опасаясь, что вдали от столицы местные чиновники могут проигнорировать приказы, велел ему следовать за Чу Чанси и охранять его, наделив правом карать непокорных на месте.

— Ты веришь, что я смогу создать лекарство? — Чу Чанси повернул голову, и отсветы костров из лагеря легли на его профиль.

Е Фэн рассмеялся, словно слышал нелепую шутку.

— Разве могут быть сомнения?

Конечно, нет. Все верили в него. Все любили его.

Вэй Ци, стоявший поодаль, сжал рукоять меча и бросил на них быстрый взгляд.

Е Фэн достал из-за пазухи письмо и протянул Чу Чанси:

— Послание от Его Величества.

Письма приходили каждый день, но Чу Чанси ни разу не ответил. В этом письме, написанном еще несколько дней назад, главный герой снова перечислял свои дела, отчитываясь, что не тратит время впустую, усердно исполняет обязанности правителя, и лишь в самом конце добавил одну фразу: Чэнсюань сказал, что скучает по папе.

— Спрашивает, когда ты вернешься. Я сказал ему: если он будет слушаться и хорошо учиться, папа вернется.

Значит, если Чжао Цзиньюй будет послушным императором, Чу Чанси вернется.

Чу Чанси дочитал и уточнил у Системы:

— Главный герой действительно делает то, о чем пишет?

Система ответила:

— Да, он занят с утра до ночи, кажется, пытается загрузить себя работой, чтобы не думать о тебе. Но каждую ночь, засыпая, он плачет, сжимая в руках одеяло.

Чу Чанси промолчал.

Заметив, что выражение лица носителя изменилось, Система поспешно добавила:

— То есть... последнее я добавила от себя. Главный герой не плачет, ведет себя совершенно нормально: вовремя ест, спит и ходит на аудиенции... Я знаю, что тебя беспокоит, он не нарушил ни одного слова.

Чу Чанси подумал:

— Значит, время пришло.

— Какое время? — у Системы возникло нехорошее предчувствие. — Что ты задумал?

Чу Чанси не ответил. Он вернул письмо Е Фэну. В отблесках огня его фигура казалась цветком, распустившимся посреди зимы. Его глаза оставались холодными и безразличными. Когда Е Фэн забирал письмо, он невольно задержал руку и случайно коснулся тыльной стороны ладони Чу Чанси.

Жар, исходящий от кожи, был пугающе осязаемым в ледяном воздухе.

Сердце Е Фэна ухнуло вниз. Забыв о приличиях, он схватил Чу Чанси за руку:

— Господин, вы...

Чу Чанси отстранился, в его ясных глазах мелькнуло любопытство:

— Что со мной?

Е Фэн, перепуганный до смерти, поспешно снял с себя верхнюю одежду и насильно укутал его, завязывая пояс дрожащими руками.

— Что ты делаешь? — Чу Чанси отступил на шаг. — Как женатый человек, ты должен соблюдать приличия. Ты же знаешь, мне не холодно.

Да кто бы сомневался, холодно тебе или нет! Не холодно? Да ты даже не заметил, что сам заразился!

Е Фэн, потеряв самообладание, прыгнул со стены, едва не упав от спешки. Он бросился искать придворного лекаря и одновременно отдал приказ отправить гонца в столицу. Если он не сообщит императору, то не найдет себе покоя до конца дней.

Система:

— Я могу помочь тебе избавиться от болезни.

Чу Чанси продолжал сидеть на стене, свесив ноги. В этой редкой для него расслабленной позе он смотрел на бесконечные огни лагеря.

— Не нужно. Помоги мне лишь сохранить ясность ума. Так я смогу проследить за течением болезни и испытать лекарство на себе, чтобы как можно скорее завершить рецепт.

Система:

— ...Ладно. В конце концов, пока ты дышишь, я смогу тебя вытянуть.

— Кто просил тебя меня спасать? — на губах Чу Чанси промелькнула едва заметная улыбка. — Если бы ты была способна, то сама бы дала мне рецепт, избавив от лишних усилий.

Система:

— ...Я поищу для тебя другие медицинские трактаты.

...

Чу Чанси погрузился в изучение книг, предоставленных Системой, и работал вместе с лекарями. Поскольку он сам заболел, он переселился прямо к пациентам.

Через полмесяца, объединив современные знания с древними рецептами, он наконец создал действенное лекарство.

Когда он впервые вышел к людям, исцеленные падали перед ним на колени. Чу Чанси пробыл там недолго: из-за непрекращающегося кашля его пришлось увести в комнату под охраной верного генерала.

— Господин, как вы себя чувствуете? — глаза Е Фэна покраснели. На белом одеянии Чу Чанси проступили капли крови, словно алые цветы на заснеженной ветви.

Вэй Ци, стоявший рядом, не мог даже удержать меч, ошеломленно глядя на происходящее.

Наступила весна, больные шли на поправку, и лишь Чу Чанси, создавший спасительное лекарство, остался в зиме, продолжая угасать.

Чу Чанси сел, его голос оставался холодным и сдержанным:

— Я в порядке. Эпидемия еще не побеждена полностью, генерал, продолжайте следить за порядком, чтобы избежать новых заражений.

Если вирус мутирует, после его ухода помочь будет некому.

— Я понимаю, — Е Фэн хотел улыбнуться, чтобы успокоить его, но не смог.

Вэй Ци, глядя на Чу Чанси, забыл обо всем и опустился перед ним на колени:

— Господин...

Чу Чанси попросил его подняться и растереть тушь: нужно было дописать еще несколько рецептов. Пламя свечи дрожало, отражаясь на бледном лице Чу Чанси, придавая ему обманчивый вид живого человека.

Система, заразившись общей скорбью, предложила:

— Если не спасать тебя, то хотя бы подавить симптомы я могу?

Чу Чанси писал, сплевывая кровь:

— Не нужно.

— Тогда ты не будешь ждать главного героя?

Чу Чанси ответил:

— Пусть всё идет своим чередом.

...

Главный герой успел в самый последний момент. Он выглядел донельзя растерянным: волосы растрепаны, одежда в грязи — видимо, лошади падали от изнеможения, и он падал вместе с ними.

Он не ел и не пил, губы потрескались, лицо было бледнее, чем у умирающего Чу Чанси, и лишь глаза горели лихорадочным красным цветом.

Во дворе собралось множество людей, они молились, сложив ладони. Увидев это, Чжао Цзиньюй почувствовал, как перед глазами всё застилает кровавый туман. Он медленно, на негнущихся ногах, вошел в комнату.

— Стой! — кто-то из толпы попытался его остановить. — Ты кто такой? Сюда нельзя!

Но стоило человеку коснуться его, как он был отброшен в сторону.

Е Фэн, услышав шум, выбежал наружу и увидел императора, который, свернувшись калачиком на полу, дрожал, не отрывая взгляда от комнаты.

Он помог ему подняться:

— Чу Чанси, он... он...

— Он же был неуязвим для ядов, — пробормотал Чжао Цзиньюй, неизвестно к кому обращаясь.
— Как это могло случиться?

Ведь в тот год, во время эпидемии чумы, он ходил среди больных и не заразился. Но после того как Чу Чанси избавился от насекомых-паразитов, его организм был необъяснимо ослаблен.

Е Фэн опустил голову, не в силах произнести причину.

Чем ближе подходил Чжао Цзиньюй, тем невыносимее становилось зрелище алых пятен на белой одежде. Это причиняло ему нестерпимую боль. Больше всего на свете он боялся, что Чу Чанси будет ранен или истечет кровью.

Как он может кровоточить?

— Чанси... — голос Чжао Цзинъюя охрип. Он опустился на колени у кровати. Здесь запах крови был еще сильнее.

Несмотря на кровь на губах, лицо Чу Чанси оставалось спокойным. Тот же холодный аромат, то же изящество — он не изменился.

— Ваше Величество? — его взгляд был ясен, словно он давно предвидел этот финал. — Почему вы здесь?

— Я был неправ. Я пришел просить прощения. — Взгляд Чжао Цзинъюя упал на пятна крови, и сердце пронзила такая острая боль, что его затрясло.

— В этот раз... пусть будет так.

Лишь в этот раз я позволю тебе не слушаться.

Чу Чанси закончил фразу и слабо кашлянул, снова выплеснув кровь. Чжао Цзинъюй застыл. Слезы хлынули из его глаз, и, как он ни старался сдержаться, из горла вырвался сдавленный стон. Он в панике принялся вытирать кровь с губ Чу Чанси, но она выступала снова и снова.

— Чанси, что с тобой? Ты же обещал, что вернешься! Как ты можешь нарушить слово? Как ты можешь оставить меня одного?

— Кхе-кхе... — Чу Чанси хотел что-то сказать, но не мог из-за крови.

Чжао Цзинъюй словно обезумел. Он прижал его к себе, рыдая так, что одежда на спине Чу Чанси промокла до нитки. Он кричал, срывая голос, и в то же время угрожал:

— Чу Чанси, посмей только умереть! Если ты умрешь, я не пощажу этот мир! Я не буду больше заботиться ни о чем! Я убью всех, кого ты защищал, всех, кого ты спас!

Но тут же, сменив гнев на мольбу, он прошептал:

— Чанси, я виноват. Я буду слушаться. Я стану хорошим императором. Разве я не делал этого? Я всегда слушался тебя. Не бросай меня, умоляю...

— Чжао Цзинъюй, — Чу Чанси попросил Систему продлить ему жизнь еще на мгновение. Главный герой был куда безумнее, чем он ожидал. — Я хочу тебя поцеловать.

Чжао Цзиньюй прижал его еще крепче, яростно мотая головой:

— Нет, не хочу! Я не хочу тебя слушать, я больше никогда не буду тебя слушать! Какой смысл тебя слушать, если ты все равно меня бросишь?

Чу Чанси:

— ...Забудь. Не надо ничего продлевать.

Система в его сознании вопила:

— Свет гаснет, что делать, что делать?! Если ты уйдешь, главный герой либо сойдет с ума, либо покончит с собой!

Чу Чанси на мгновение замолчал. И в тот момент, когда он уже решил, что задание провалено, Чжао Цзиньюй схватил его за плечи и яростно поцеловал, но в этом поцелуе сквозила дрожащая нежность.

— Чанси, куда ты — туда и я.

Вкус крови на губах стал осязаемым. Чжао Цзиньюй внезапно странно успокоился, нежно целуя его уголки губ:

— Не думай, что сможешь оставить меня одного! Не надейся! Я же говорил: жизнь и смерть — вместе. Я говорил: плевать мне на этот мир и на его людей, какое мне дело, хорошо им или плохо!

Система:

— Всё кончено. Ты умрешь, и он умрет следом.

Чу Чанси:

— Будь что будет.

Рецепты, которые сжимал в руке Чу Чанси, окрасились кровью. Его рука медленно соскользнула с кровати, и испачканный кровью лист бумаги, подхваченный сквозняком, плавно опустился на пол.

В комнате и за ее пределами слышались рыдания, переходящие в громкий плач.

Лишь Чжао Цзинъюй, обнимающий бездыханное тело, крепко зажмурился, словно обретя ледяное спокойствие. Он аккуратно уложил того, чьи глаза навсегда закрылись, поправил его одежду и перевел взгляд на меч, стоявший у изголовья. Он тихо рассмеялся, и слезы, скопившиеся в уголках глаз, покатались по щекам.

Он взял меч и слегка вытянул клинок из ножен — холодный отблеск прорезал полумрак комнаты.

— Ваше Величество, нет! — все, кто был в комнате, в панике упали на колени, ударяясь лбами об пол.

Чжао Цзинъюй смотрел только на того, в ком больше не было жизни. Его пальцы побелели от напряжения, с которым он сжимал рукоять, но что-то его удерживало... жалость, нежелание...

Он заметил выпавший из руки Чу Чанси лист бумаги, поднял его, прочитал написанное, и вдруг снова тихо рассмеялся.

Словно окончательно лишился рассудка.

— Хорошо. Я послушаюсь тебя. Чанси, как я могу тебя не послушаться? Ты даже не знаешь, как сильно я тебя люблю...

Он закрыл глаза и медленно вложил меч обратно в ножны.

В это же время мерцающий свет на панели Системы окончательно погас.

<http://bllate.org/book/19901/1959236>